

гические этикетки, которыми располагал летописец в своей словесной палитре. Князь в летописи всегда официален, отмечал Д. С. Лихачев, он всегда как бы обращен к зрителю, всегда представлен только в своих наиболее значительных поступках. Геральдичность и церемониальность, свойственные изображению князей, не требуют пространный выражения. В летописи описываются в первую очередь поступки князей, но не психологические причины, их вызвавшие.¹⁹²

Выразив свое согласие с положениями, приведенными в работах Д. С. Лихачева, мы можем добавить к этому, что и черты внешнего облика князя, как случайные и потому внутренне не связанные с его «геральдическими» поступками, для летописца случайны и отступают на задний план. Только в тех случаях, если автор летописной статьи считает себя как-то особенно обязанным восхваляемому им князю, как это было в отношении составителя Ростовского летописного свода к Васильку Ростовскому и в отношении автора последних записей Ипатьевской летописи к Владимиру Васильковичу Волинскому, только тогда этот автор наряду с весьма распространенной моральной характеристикой князя сообщает и о внешних чертах его облика, гармонирующего своей красотой телесной с красотой души.

Таким образом, и в данном случае мы имеем право сделать вывод, что воздействие переводной письменности на русскую самобытную литературу отнюдь не подавляло и не сковывало эту последнюю, а давало ей силы, оттолкнувшись от своего образца, создавать высокие культурные и эстетические ценности, которые способствовали становлению и укреплению идеологии тогдашнего общества.

Приведем еще некоторые наши наблюдения над литературной судьбой важного переводного памятника XV в. «Рыдания» Иоанна Евгеника. Как мы показали уже в 1953 г., фразеология этого перевода пришлась по вкусу русским книжникам того времени, хорошо владевшим «украшенным» слогом, искусством «плетения словес». Следы знакомства с «Рыданиями» можно заметить в повести «О взятии Царьграда», в посланиях старца Филофея. С особенной же выпуклостью проявляется воздействие фразеологии, свойственной «Рыданиям» Иоанна Евгеника, на памятник, созданном уже в XVII в., на «Плаче о пленении и о конечном разорении Московского государства», одном из наиболее характерных памятников эпохи польско-шведской интервенции и крестьянской войны начала XVII в.¹⁹³

В настоящее время мы имеем возможность дополнить данный список еще одним произведением, лишь недавно открытым и введенным в научный оборот Я. С. Лурье.

Это произведение — «Послание вельможе Иоанну о смерти князя», озаглавленное так его издателем и приписываемое им Иосифу Волоцкому.¹⁹⁴ Мы не будем касаться тех доводов, на основании которых Я. С. Лурье производит свою атрибуцию. Они далеко не бесспорны. Но как бы к ним ни относиться, необходимо признать, что в данном

¹⁹² Д. С. Лихачев. 1) Изображение людей в летописи XII—XIII веков. — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 7—43; 2) Литературный этикет древней Руси (к проблеме изучения). — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 5—16.

¹⁹³ Византийский временник, т. VII. М., 1953, стр. 84—85.

¹⁹⁴ Послания Иосифа Волоцкого. Подготовка текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 154—160. Соображения Я. С. Лурье по атрибуции памятника см. на стр. 35—36, а также в статье того же автора «Послание вельможе Иоанну о смерти князя (К проблеме атрибуции древнерусских литературных произведений)» (Slavia, год. XXVII. Praha, 1958, № 2, стр. 216—255).